

№ 614. — Письмо к Д. Е. Бенардаки.

(14 января 1861 года).

Милостивый государь,

Димитрий Егорович,

Более полугода ждал я ответа на письма, в которых я так подробно и, кажется, так ясно изложил Вам и свое положение и свои желания, и наконец вместо всякого ответа услышал от Михаила Семеновича Корсакова, что Вы не считали нужным поручить мне какое-либо дело, и смотрели на деньги, полученные и получаемые мною из Вашей кассы, как на нечто вроде даровой пенсии или подарка. Признаюсь, милостивый государь, такое известие сильно меня встревожило и оскорбило. Никогда в жизни никто не смел думать обо мне, чтобы я был способен к темным услугам, чтобы я согласился принять от, кого бы то ни было подавание и быть чьим бы то ни было пенсионером. Что же дало Вам право думать о мне так низко?

Я знаю по слухам, а теперь и по собственному опыту, что Вы те читаете большей части писем. Вами получаемых; иначе и не могло бы произойти между нами такого странного недоразумения. Но на сей раз уверен, что Вы сделаете для меня исключение. Вы оскорбили мою честь и должны сознаться в ошибке, без сомнения невольной, но, тем не менее, требующей полного удовлетворения.

Позвольте, милостивый государь Димитрий Егорович, изобразить Вам в третий и в четвертый раз весь ход моих отношений с Вами. В начале 1859-го года, рекомендованный Вам А. М. Княжевичем и М. С. Корсаковым, я был снисходительно принят Вами служащим в Амурскую комп[анию], оставил же се в конце ноября того же года не по капризу, а по необходимости, вследствие убеждения, что при ложном и пагубном направлении, данном ей ее сибирским главноуправляющим, я не мог принести в ней ни малейшей пользы. Об этом я имел честь неоднократно доносить правлению компании продолжение лета 1859-го года, а Вам писал лично через Ю. А. Волкова в мае прошедшего года. В доказательство же, что правление компании было довольно моими посильными стараниями, прилагаю благодарность, мною от него полученную и подписанную Вашим собственным именем.¹

Оставив службу Амурской К^о в конце ноября, я хотел уж писать Вам и просить Вас о другом назначении, но был удержан Волковым, который мне тогда объявил, что он ожидает из Петербурга полномочия на управление всеми делами К^о. Он изъявил намерение дать ей направление совсем иное и уговорил меня в ней остаться, обещая в ней место и занятие,

при которых, принося действительную пользу Компании, я мог бы я вполне обеспечить свое семейное существование. В таких надеждах или, лучше сказать, в такой уверенности прожил я, ничего не делая и не предпринимая, до отъезда Волкова в Петербург. Между тем мои финансы, уже расстроенные, вполне истощились, и я стал брать у Юрия Александровича (Волков) деньги не в подарок, а заимообразно, в счет будущего жалования. Я брал их совершенно спокойно во-первых потому, что считал будущность свою крепко обеспеченною, а во-вторых потому, что знал, что в самом крайнем случае буду всегда в состоянии выплатить долг мой из части в имени братьев, мне принадлежащей. С уверенностью ждал я возвращения Волкова из Петербурга; встретившись с ним в Томске, в марте прошедшего года, я узнал от него, что Вы мало интересуетесь Амурскою Комп., и что вследствие его рекомендации Вы, лестно отзываясь о мне, будто бы даже оказали: "такого человека жаль оставлять в Амурской комп., мы найдем для него и другое занятие". Вслед за Волковым я поехал по его приглашению к нему в Красноярск, где и прожил с ним полтора месяца в Вашем доме, ожидая решения моей участи. Много мы с ним толковали, много было сделано разных предположений, но ни одно не состоялось, и, наконец, перед самым его отъездом положено было, что я отправлюсь в Иркутск в звании чиновника особых поручений по всем Вашим делам кроме откупных и буду получать впредь до Вашего окончательного решения 150 рубл. месячного содержания, с обещанием, что я по приезде Волкова в Петербург получу от вас определенное назначение и жалование, сообразное той пользы, которой Вы от меня ожидать будете 2. Вместе с ним я отправил к Вам письмо, в котором так ясно, так определенно высказал Вам, милостивый государь Димитрий Егорович, свои ожидания и твердое намерение ни минуты не оставаться в Вашей службе, если не найдется в ней для меня настоящего дела, что недоразумений на этот счет быть не могло. К тому же Волков, с которым я говорил так много, обещал мне дополнить письмо это своими пояснениями, которые, я в том уверен, не клонились к моему бесчестью. Наконец я присовокупил к письму краткую записку о деньгах, взятых мною из вашей кассы, с просьбой дать мне год срока для их уплаты, в случае если служба моя Вам не понадобится. Каким же образом могли Вы подумать, что я соглашусь жить у Вас на пенсии и брать у Вас деньги даром? К счастью я сохранил оригинал этой записки и посылаю Вам ее ныне вторично.

Долго я ждал Вашего ответа. Положение мое было нестерпимо, но я сносил его единственно только потому, что, полагаясь на уверения Волкова, ждал каждый час, каждую минуту, что Вам угодно будет наконец поручить мне настоящее дело. Не дождавшись ничего ни от Вас, ни от Волкова, я писал еще раз в августе; письмо это взялся передать Вам в собственные руки г-н Зыбин, отправленный отсюда курьером. Сомневаюсь, чтоб Вы его читали, так резко я высказал в нем обидную невыносимость своего положения, прибавив, что если Вам, богатому человеку, ничего не стоит бросить две-три тысячи в год, то мне, человеку, дорожающему своей честью, не приходится принимать ни одной копейки даром.

Наконец получил я от Волкова первое письмо от 13-го августа; а нем извещал он меня о том, что вследствие разговора Александра Максимовича Княжевича с Вами я должен получить от Вас письмо "весьма удовлетворительного свойства". В сентябре писал он мне еще раз: он говорил с Вами, сам читал Вам мое письмо и уверял меня, что "дело мое устроено". Наконец получил я от него же третье письмо, в котором он пишет следующее:

"Димитрий Егорович теперь за границею, но по приезде его оттуда Вы непременно получите письмо от него, я за это ручаюсь. До сих пор я сделал, что мог, но мог немного, теперь будет лучше. Ваше дело, кажется, прочно устроено".

Обманутый этими уверениями, я решился ждать до приезда Михаила Семеновича Корсакова, который, уезжая из Иркутска, обещал мне поговорить с Вами. Он возвратился, и я узнал от него, что Вы изволите смотреть на деньги, полученные и получаемые мною, как на подарок или как на даровую пенсию, жертвуемую в пользу не знаю кого и чего 3. Из уважения к себе и не желая вас оскорблять, милостивый государь Димитрий Егорович, не стану входить в дальнейшее разбирательство; не могу впрочем не заметить, что если б Вам было угодно прочесть мои письма, то Вы не позволили бы себе судить о мне так низко. Пожалуй Вы не виноваты: Вы-человек очень сильный, очень важный, очень богатый, привыкший с пренебрежением смотреть на людей безденежных. Меня Вы не знаете, на чтение же писем человека, Вам совершенно чуждого, у Вас не достало ни времени, ни охоты, и Вы судили о мне по множеству других прибегающих к Вашей щедроте под разными благовидными предлогами. Гораздо более виню я Юрия Александровича Волкова, с которым я говорил так много, так определенно, так ясно, и который не умел объяснить Вам, что я не принадлежу к разряду продажных людей, берущих деньги за дела нечистые или даром.

Мне ж остается одно: убедившись, что Вы не находите выгодным для себя поручить мне настоящее дело, я должен немедленно оставить Вашу службу и возвратить Вам сполна все суммы, много от вас полученные. Из прилагаемой записки видно, что я был должен Вам по 1-е мая 1860-го года три тысячи триста семьдесят пять рублей (3.375 руб. сер.). Прибавив к ним тысячу восемьсот руб. (1 800 руб. сер.), взятых мною за службу у Вас без всякого дела от 1 марта 1860 года по 1-е марта 1861-го года 4, получим пять тысяч сто семьдесят пять рублей (5.1 75 руб. сер.), даром мною от Вас полученных, которые и считаю себя обязанным возвратить Вам как можно скорее. Брату как естественному представителю моей чести и моих обязательств я поручил к Вам явиться и привести мое дело в совершенную ясность. Я потерял драгоценный год в ожидании дела, обещанного мне Вашим именем: надеюсь, что Вы не откажете мне в годовом сроке для уплаты Вам моего долга 5.

С истинным почтением честь имею быть, Милостивый государь,
Димитрий Егорович,

Вашим покорным слугою
М. Бакунин.

11 января 1861 [года]. Г[оро]д Иркутск.

P. S. Прошу прощения за чернильные пятна. Переписать письма не успею.

Приложение.

Копия записки, посланной мною через г-на Волкова г-ну Бенардаки 1 мая 1860 года из г[оро]да Красноярска.

В Амурскую компанию я вступил 1 марта 1859 года. А. В. Белоголовый положил мне жалованья в год 1.000 руб[лей] серебром], а на время, проводимое мною вне Иркутска, по делам к[омпании], содержания 50 руб. сер. в месяц. Кроме того я получил от него на подъем из Томска в Иркутск 700 руб. сер., из которых 350 руб. на счет компании, а 350 руб. заимообразно с вычетом из моего жалования.

Приехав в Иркутск в половине марта, я до 1-го июня оставался без всякого дела. А. В. Белоголовый видимо затруднялся мною, не зная, кажется, как и куда меня поместить, и я поневоле должен был смотреть на получаемое мною жалование как на даровую пенсию; а между тем он требовал, чтобы я заключил с ним контракт на три года на этих невозможных для меня условиях, бедных в финансовом отношении, обидных в нравственном.

Опасаясь на первую пору показаться требовательным и неблагодарным, не имея с другой стороны возможности согласиться на требования Андрея Васильевича и наконец не желая брать дарового жалования, я по собственному движению письменно сделал следующее предложение; считать мою службу не с марта, а с 1 июня, а 250 руб. сер., взятые мною за март, апрель и май, считать за деньги, данные мне займы, равно как и все 700 руб., полученные мною на подъем из Томска, если я не заключу с компанией контракта на следующий год на каких бы то ни было условиях, таким образом, что если контракт между нами заключен будет, я останусь должен компании всего только 350 руб. сер., если же мы напротив разойдемся, то буду должен ей 950 руб.

Контракта я не заключил и не считаю себя способным продолжать службу в Амурской компании, а потому по совести считаю себя должным компании 950 руб. сер.

Затем за шесть месяцев от 1 июня по 1 декабря 1859 года, проведенных мною в Забайкалье по делам компании, я получил жалованья 500 р[ублей] и 300 р[ублей] содержания, итого 800 р. сер[ебром]. После чего перестал получать или требовать что-либо от компании.

Ю. А. Волков, войдя в мое финансовое положение, дал мне от Вашего имени заимообразно и в разные времена 2.425 руб. сер.

Я желал бы, милостивый государь Димитрий Егорович, чтобы Вам угодно было принять 950 руб., должные мною Амурской Комп[ании], также на себя; таким образом я был бы Вам должен всего три тысячи триста семьдесят пять рублей (3.375 р. с.) и просил бы Вас вычитать их постепенно из жалования, которое Вам угодно будет мне назначить, если Вы удержите меня в своей службе, в противном же случае дать мне год срока для их уплаты. М. Бакунин,

Комментарий

№ 614.-Напечатано в "Былом" 1925, № 3/31, стр. 27-31. Оригинал находится в Прямухинском архиве, хранящемся в б. Пушкинском Доме.

Совершенно очевидно, что известный откупщик Бенардаки, соглашаясь принять к себе на службу М. Бакунина, полагал таким образом дать своеобразную взятку генерал-губернатору Восточной Сибири, где он производил свои разнообразные операции. В сущности Бакунин должен был скоро это заметить, да, судя по его же письму, он это и заметил. Но вместо того чтобы сразу порвать недопустимые отношения, он предпочел тянуть их в течение двух лет, продолжая получать от подозрительного дельца жалованье, брать у него займы в надежде на будущие блага весьма сомнительного свойства и писать ему письма, остававшиеся без ответа. Здесь лишний раз сказало неуважение Бакунина к людям, которое порою, как в данном случае, оборачивалось неуважением к самому себе и больно било по нему самому.

Встает естественный вопрос: почему Бакунин, в течение двух лет мирившийся с неловким для него положением, вдруг сообразил, что дольше продолжать так невозможно, и что дело идет о его чести, как он сам выражается? Нам кажется, что ответ на этот вопрос подсказывается хронологией событий. В январе 1861 года для Бакунина окончательно выяснилось, что Н. Н. Муравьев в Сибири больше не остается, и что в его, Бакунина, жизни в Иркутске наступает резкий перелом. С одной стороны перед ним встал вопрос о необходимости готовиться к побегу, а с другой - так или иначе ликвидировать свои отношения с Бенардаки, ибо ясно было, что с отъездом Муравьева откупщик не только не станет впредь давать родственнику его ни гроша, но пожалуй потребует возврата прежде выплаченных сумм. По-видимому эти соображения и побудили Бакунина предпринять три шага: а) написать данное письмо Бенардаки; б) написать приведенное под No 576 письмо к Каткову с просьбой о четырех тысячах рублей; в) написать недошедшее до нас письмо к брату Николаю, вероятно тоже в январе 1861 г., как об этом можно судить по письму к тому же Николаю от 1 февраля 1861 г. (см. No 616). По сообщению М. С. Корсакова, приведенному нами выше (см. комментарий 2 к No 613), братья Бакунины позже выдали откупщику вексель на всю забранную у него М. Бакуниным сумму.

Бенардаки, Дмитрий Егорович (1799-1870)-известный в 40 - 60-х годах откупщик, из дворян Екатеринославской губернии. Оставив по "неприятности" военную службу (вероятно проворовался) в гусарском полку в 1823 году, с капиталом в 30-40 тысяч начал спекулировать хлебом и разжился; принял участие в откупах, скупал земли, приобретал заводы, в течение 15 лет нажил такое состояние, которое давало ему полмиллиона рублей дохода. Он владел 620000 десятин земли и 10000 крепостных крестьян. Был приятелем М. П. Погодина, усматривавшего в нем образец российской сметливости и честности (sic!), и Гоголя, который воспользовался некоторыми его чертами для образа Костанжогло (и может быть откупщика Муразова). См. Барсуков-"Жизнь и труды М. П. Погодина", V, стр. 300-302; R. Ermerin-"Annuaire de la noblesse de Russie", том III, Спб. 1900, стр. 88-89.

1 О каких "посильных стараниях" своих в пользу Амурской компании говорит здесь Бакунин, неясно: о письменных ли указаниях его на неправильное ведение дел компании или о своих разъездах по поручению компании по Забайкальской области. И какая могла быть ему от компании благодарность, если по собственному признанию он на службе ей ничего не делал?

2 Это место интересно в том отношении, что из него мы узнаем о поездке в Западную Сибирь, совершенную Бакуниным в 1860 г.: в марте он был в Томске, в апреле-мае в

Красноярске, а позже вернулся в Иркутск, где мы встречаем его в августе. Только по дате письма к Анненкову от 5 февраля 1860 (см. выше под № 608) можно догадаться о какой-то поездке Бакунина на запад, но это письмо до сих пор не было известно и публикуется нами впервые. По каким делам он совершал эту поездку, неизвестно. Во всяком случае она показывает, какими вольностями он пользовался благодаря покровительству Муравьева.

3 Возможно и даже вероятно, что, передавая Бакунину это бесстыдное и циничное заявление откупщика, М. Корсаков не удержался от указания или намека, что ныне, с отъездом Муравьева, следовало бы в данный вопрос внести ясность. Это тоже могло толкнуть Бакунина на объяснение с Бенардаки. Во всяком случае, даже без всяких прибавлений со стороны Корсакова такое объяснение после столь открытого заявления становилось абсолютно необходимым и неотложным. А Корсаков имел право на присовокупление некоторых замечаний по сему поводу, ибо с отъездом Муравьева он становился во главе администрации В. Сибири, и хотя он в данный момент еще не был родственником Бакунина (он сделался им декором после того), но все же продолжение выдачи "пенсии" откупщиком политическому ссыльному, близкому и к новому генерал-губернатору, не могло быть приятным и для него.

4 Письмо писано 14 января 1861 г., а говорится в нем о суммах, забранных до 1 марта того же года: это показывает, что Бакунин забирал деньги даже вперед на несколько месяцев. По его же подсчету выходит, что он "без всякого дела" набрал у Бенардаки за два года свыше 5 000 рублей. После этого он не должен был особенно удивляться, когда циничный откупщик дал ему понять через нового генерал-губернатора, что он, в сущности, давал ему "пенсию" или проще говоря взятку как родственнику главы края.

5 Замечательно, что и теперь Бакунин продолжал дипломатничать. Как видно из письма его к брату Николаю от 1 февраля 1861 г. (см. ниже № 616), он в глубине души вовсе не хотел рвать с Бенардаки, а напротив надеялся, что это письмо может даже послужить к выяснению и упрочению их взаимоотношений. Только полную непрактичность Бакунина, его непониманием действительных условий можно объяснить эти надежды и хитрости.

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 16 декабря 2025 14:33:21

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 16 декабря 2025 14:36:46